

уровня производительных сил, осуществляя своего рода подготовительные мероприятия к построению капиталистического способа хозяйствования.

Критика социализма в Советском Союзе представляет в первую очередь осуждение господства государственной собственности, формирование которой является крайней стадией развития частной собственности. Следует разводить понятия социализма, спрогнозированного его теоретиками, и способа производства, образующегося в случае неудачной попытки установления социализма на практике. Оценка истории требует более корректного и адекватного использования терминов, обуславливающего большую точность характеристики современности и прогнозирования.

Источники и литература

1. Ильенков Э. В., Маркс и Западный мир. http://ihik.lib.ru/philosbook_8dec2005/philosbook_8dec2005_2545.rar
2. Маркс К., Философо-экономические рукописи 1848 г./ Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения. – Т. 42. – С. 114.

Архангельская А.С.

АНТИНОМИИ МОНОЛОГИЗМА И ДИАЛОГИЗМА. PRO ET CONTRA

«Наиболее адекватной формой конкретно-научного знания выступает монолог... а формой выражения гуманитарного знания является диалог».

А. В. Иванов, В. В. Миронов
Университетские лекции по метафизике

Со времен становления баденской школы неокантианства – в лице Вильгельма Виндельбанда и Генриха Риккерта пошел процесс формирования концепции понимания философии, как аксиологии, исходя из различия наук по методам исследования. Появление книги Риккерта «Науки о природе и науки о культуре» стало явлением не менее значимым, чем предшествовавшая ей идея самого Виндельбанда о необходимости разделения наук по их методологии. Следует отметить также, что, возможно, под влиянием Виндельбанда и Риккерта эта же идея разграничения наук была предложена другим Вильгельмом, но Дильтеем – в русле его знаменитой «психологии понимания».

Как известно, Дильтей подчеркивал разницу двух методологий – метод о б ъ я с н е н и я (для естествознания), и метод п о н и м а н и я – для гуманитарного знания*. Таким образом, прошло не меньше сотни лет, как эта благотворная идея была заявлена, но... под напором сциентизма не только не получила должного развития, но фактически до сих пор еще ждет своего осуществления**.

В сущности и Виндельбандом и Риккертом и Дильтеем был представлен не столь гносеологический, сколь науковедческий подход, или, как это принято обозначать сегодня, подход с позиции философии науки – с аксиологическими акцентами. Нас же здесь интересует не весь спектр множества аксиологических факторов диалогичности и диалогизма – в соотношении с упорным нежеланием монологизма уходить со сцены. Тормозящий консерватизм монологизма очевиден сегодня еще более, чем во времена неокантианцев и Вильгельма Дильтея.

Но уже в эпиграфе к данному тексту был обозначен тот исторический контекст, без которого трудно теперь представить развитие философских идей как естествознания, так и самой онтологии. Именно на это обстоятельство указывают авторы «Университетских лекций по метафизике»: «Такой подход эффективен при исследовании **недуховных** образований, но слишком искажает реальное положение дел, например, при исследовании человека, культуры, общества... в этом и его неизбежная слабость, связанная с невозможностью выйти за границы предметной области» [4, с. 173]. Речь здесь идет о необходимости необразного «безразличия» ученого к исследуемому объекту как условию научной объективности и точности, в то время как философ по самому своему статусу заявленной еще в античные времена мудрости не может себе позволить абстрагироваться от качеств такого объекта исследования, как Человек во всех его проявлениях. В исканиях последующих за монологизмом классической эпохой философских традиций – как экзистенциальных, так и постмодернистских, как раз явно просматривается стремление к преодолению игнорирования многозначности бытия человека и многообразия его культур.

Именно «поэтому формой выражения гуманитарного знания является **диалог**, в котором активность обеих сторон ('Субъекта' и 'Объекта') очень высока и не столь важна точность, достигаемая за счет сильного огрубления, а **глубина** проникновения в исследуемый объект» [4, с. 174]. Для столь распространенной формы сциентизма, выступающей в виде акцентированного внимания к гносеологической функции философии, присущ своеобразный снобизм, некое высокомерие «истинных ученых», считающих себя мыслителями, стоящими выше гуманитарного стиля философского познания.

* Для Дильтея «понимание» было родственно интуиции, ибо, говоря об условии «сопереживания» и «вчувствования», ему было важно подчеркнуть, что метод понимания открывает для исследователя возможности непосредственного постижения некой духовной целостности.

** Многомерность и драматическая сложность человеческого бытия, разумеется, не могли быть исчерпаны призывом «отнесения к ценностям».

Здесь нам представляется уместным указание М. М. Бахтина на преимущество гуманитарной сферы философских размышлений: «Познание здесь направлено на индивидуальное. Это область открытий, откровений, узнаваний, сообщений. Здесь важна и тайна и ложь (а не ошибка)» [3, с. 206]. Как видим, тут уже мы обращаемся к взаимосвязи этико–психологических и культурологических аспектов, обеспечивающих «глубину» диалогизма.

Диалог между культурами, диалог между этносами, диалог т. н. четвертой власти с первыми тремя... Утрата этой, когда-то присущей человечеству еще со времен эллинов культуры диалога, оборачивается крайностями традиции максимализма монолога, и мы являемся свидетелями подобных крайностей [1, с. 28].

Становится ли сфера распространения и влияния понятия «диалог» более широкой, как мы утверждали еще год назад, скорее всего, выдавая желаемое за действительное [2, с. 47].

И все-таки очевиден пусть медленно, но идущий процесс расширения сфер применения дефиниции «диалог». Так, в культурологии мы все более обнаруживаем диалогические подходы к анализу взаимоотношений светского и религиозного миров и даже – к отношению или возможностям применения древних мистических учений к пониманию философии западной науки.

Не менее интересный и вполне новаторский поворот к расшифровке старого понятия «диалог» предложил в свое время Илья Пригожин, озаглавив немецкое издание одной из своих книг как «Диалог с природой». Именно новаторский, если не учитывать традиции восточной культуры и наших праотцев – древних славян еще с языческих, дохристианских времен, относившихся к Природе на основе принципов гармонии и личной ответственности за все живое. А ведь именно эти принципы так нуждаются в возрождении и обновлении спасительных подходов если не к разрешению экологического кризиса, то хотя бы к смягчению этой первоочередной по важности глобальной проблемы.

Еще более важной сферой применения диалогических подходов оказывается в последнее время необходимость возможного смягчения другой глобальной проблемы – ценностного кризиса двух культур и двух, в сущности, цивилизаций – христианского и исламского миров – как религиозного, так и светского. Всего около десяти лет тому назад Моисей Самойлович Каган был искренне убежден, что идея конвергенции, «сознания необходимости диалога Востока и Запада все решительней оттесняет европейскую и азиатскую формы изоляционизма» и что «опыт истории человечества в драматическом XX веке показал с полной убедительностью, что время монологических культур завершилось» [5, с. 534]. Но наступил XXI век, и оказалось, что «время монологических культур», увы, еще не только не прошло, но, кажется, ситуация еще более обострилась – с наступлением вместо «Эры милосердия» – «Эры терроризма». И оказывается, что все эти утонченные и вполне интеллигентские интенции европейцев насчет признания «alter ego», «инаковости», «взаимных действий» и диалога как «сосуществования с другими» – просто иллюзии, утопии, а в лучшем случае – проявление если не гипотетического, то вполне утопического мышления. Вот уж поистине как в известном парадоксе Тертуллиана, в котором он призывал к необходимости преодолевать «любовь к утонченности», дабы она не оказалась больше, чем «любовь к истине», и «сквозь все слои книжности докопаться до недр человеческой души».

И все-таки, вступая в диалог с М. С. Каганом (недавно ушедшим Учителем и Другом), так хочется согласиться с его мыслью о том, что «универсальная диалогичность как принцип переходного этапа в истории культуры... как широкий спектр разных форм соприкосновения, взаимодействия, сопряжения прошлого и будущего в настоящем» [5, с. 532]. Если «сопряжение» и «взаимодействие», то тогда действительно, как предлагал М. С. Каган, оказывается, что ценность универсального Диалога уже сейчас, в эпоху крутых перемен и россыпи огней «горячих точек» – «оптимальный тип отношений человека и человека, классов, наций, государствных систем, людей природы... и, может быть, альтернатива самоубийству человечества» [5, с. 535]. Если это не утопия, то вполне достойная гипотеза, заслуживающая сопоставления pro et contra с опасностями «монологизма» и рисками «изоляционизма».

Источники и литература

1. Архангельская А.С. Гипотеза о диалогической цивилизации // Материалы XXXV научной конференции. – Симферополь. 2006.
2. Архангельская А.С. Диалогика и максимализм. // Материалы международной конференции. – Ялта, 1997.
3. Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст. – М.: 1975.
4. Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. – М.: 2004.
5. Каган М.С. Эстетика как философская наука. – СПб.: 1997.

Гадеев А.В.

КАК НАЧАЛСЯ ПЕРЕСМОТР ИСТОРИИ

Установка отождествлять гитлеровский фашизм и советский коммунизм возникла вовсе не в период холодной войны, хотя тогда острота взаимоотношений с недавними союзниками была сильнее, чем сейчас, когда мы, с «легкой руки» Горбачева, «вместе» – в объятиях Запада.

Эту идею не приняли бы на Западе в 50-е годы те, кто обнимался на Эльбе и сопровождал северные конвои. В домах миллионов на Западе еще хранились британские газеты военного времени, исполненные восхищения перед жертвенной борьбой защитников Сталинграда, а английский писатель Толкиен, задумавший свои знаменитые сказки, еще воюя против немцев в Первую мировую войну, вывел под черным царством Мордор,